

Раздел III. КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И РАЗВИТИЕ ЭТНИЧЕСКИХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

УДК 008

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СТРЕСС-РЕГИОНАХ ¹

Л.Б. Зубанова, С.Б. Синецкий, М.Л. Шуб

Аннотация. В статье осмысливается специфика осуществления культурной политики в стресс-регионах — системообразующих административно-территориальных образованиях, утративших эволюционный потенциал. Генезис стресс-регионов анализируется на примере Челябинской области и города Челябинска, устойчиво закрепивших позиции анти-лидерства в экологических городах РФ. Предлагается инструментарий культурной политики, обладающей альтернативным стресс-эффектом.

Ключевые слова: культурная политика, регион, стресс-регион, инструментарий культурной политики

FEATURES OF CULTURAL POLICY IN STRESS-REGIONS

Abstract. In article the specifics of implementation of cultural policy in a stress-regions — the backbone administrative-territorial educations which lost evolutionary potential are comprehended. Genesis a stress-regions is analyzed on the example of Chelyabinsk region and the city of Chelyabinsk which steadily fixed anti-leadership positions in ecological the cities of the Russian Federation. Tools of the cultural policy possessing alternative a stress effect are offered.

Keywords: cultural policy, region, stress region, tools of cultural policy

Тема культурной политики остается стабильно актуальной в связи с нарастающим динамизмом социокультурных трансформаций, обостряющимися противоречиями между глобальным и локальным, деформацией многих традиционных парадигм жизненного устройства. Осуществление адекватной культурной политики является необходимым условием преодоления хаотичности происходящих изменений.

Культурная политика, понимается как «целенаправленная, перспективно (долгосрочно) ориентированная деятельность, обеспечивающая развитие общества (его части) в рамках обоснованно отобранных и искусственно внедряемых культурных норм, пропагандируемых ценностей» [5, с. 73]. Такое

¹ Статья опубликована в рамках исследования по программе грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ-2018), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего»

понимание предполагает доктринальность и проективность имманентными свойствами культурной политики. Последнее, в свою очередь, требует уточнения типологических характеристик субъекта культурной политики и технологических основ реализации его воли.

В данной статье основное внимание будет уделено особенностям региональной предопределенности культурной политики: ее зависимости от особенностей времени-места (внутренних свойств региона) и времени-контекста (включенности региона во внешние связи). Рассматривая регион в контексте культурной политики, мы относимся к нему как к «искусственно-техническому, то есть конструируемому объекту» [3], целенаправленно созданному в определенной исторической ситуации. В то же время, с течением времени (в силу изменения исходной ситуации и изначального целеполагания, смены поколений, миграции, влияющего контекста и др.), многие предзаданные региону смыслы утрачиваются, замещаются новыми, а региональность все больше обеспечивается естественной самоорганизацией внутренней жизни. Как справедливо отмечает Н. М. Генова, «эволюция культурного пространства региона в единстве процессуальности и конфигуративности приводит к качественным изменениям его культурного ядра, которые распространяются на всю архитектуру культурной среды региона, что находит конкретное отражение и в изменении ресурсов культурной деятельности» [1, с. 11].

При весьма обстоятельной теоретической проработке типологии регионов, их специфики, особенностей региональной культуры [4] в отечественном культурологическом дискурсе практически отсутствует описание регионов, находящихся в периоде эволюционной стагнации: при наличии достаточных внутренних ресурсов, утрачивающих перспективу дальнейшего развития. Для обозначения таких административно-территориальных образований мы будем использовать термин «стресс-регион», имея в виду, что стрессовое состояние, в отличие от кризисного, может длиться продолжительное время. Особую актуальность введения данной дефиниции в смысловое поле регионалистики придает контекст бытования рассматриваемых регионов, а именно их системная включенность в экономику страны.

Стресс-регионы — это системообразующие для хозяйственного комплекса страны административно-территориальные образования, утратившие (утрачивающие) возвышающий эволюционный потенциал. Опираясь на значимые слова, отметим следующее: стресс-регионы — это не любые проблемные регионы, а только те, которые являются жизненно важными для всей экономической системы страны. «Жизненная важность», в свою очередь, означает невозможность механического «изъятия» региона из системы хозяйственных связей, сложившихся в стране без значительного экономического и социального ущерба для страны в целом. Под стресс-регионами понимаются именно административно-территориальные образования (крупный промышленный город, область, республика), а не какие-либо иные типы регионов (культурные, виртуальные и т. д.). Утрата возвышающего эволюционного потенциа-

ла трактуется как невозможность эффективного конкурентоспособного развития при сохранении сложившихся на момент фиксации стресс-состояния управленческих, производственных и социальных практик.

Ключевой проблемой стресс-регионов является противоречие между их объективно высоким техно-экономическим статусом в иерархии регионов страны, традиционно высокими «обязательствами» по поддержанию эффективности хозяйственной деятельности и деградацией инфраструктур, обеспечивающих устойчивое развитие региона, его конкурентоспособность в отраслевом и территориальном аспектах.

Термин «высокий статус» используется здесь в стандартном значении («состояние», «положение») [6] с коннотационным акцентом на исторически сложившемся восприятии региона как экономически и социально успешного (сильного, развитого и т. п.). Термин «обязательство» используется в кавычках, поскольку обозначает не формальные договорные отношения между хозяйствующими субъектами, закрепленные юридически (хотя, отчасти, и их тоже), а, в первую очередь, исторически сложившиеся ожидания, сформировавшиеся и воспроизводящиеся на их основе деловые и бюджетные практики (прогнозируемые предпринимательские сделки, налоговые поступления, традиционные социальные программы, вероятные научные открытия и их внедрение и т. п.). Под эффективностью хозяйственной деятельности понимается положительная разница между совокупными доходами региона и его совокупными расходами на обеспечение собственной жизнедеятельности, обслуживание долгов и участие в актуальных для региона общегосударственных проектах. Деградация инфраструктур трактуется в нескольких взаимосвязанных аспектах: 1) невозполняемое устаревание оборудования, технических средств, зданий, сооружений и т. п.; 2) снижение эффективности систем обеспечения жизнедеятельности: системы образования, здравоохранения, правопорядка и др.; 3) невозполняемый по качеству замещения отток человеческого капитала в другие регионы. В определенный момент времени именно данный аспект становится основным, предопределяя два вышеобозначенных. В совокупности указанные аспекты приводят к радикальному ухудшению имиджа региона, снижению качества управленческих решений и в итоге — экспоненциальному нарастанию стрессогенности. Условием вызревания проблемы до критических уровней с большой степенью вероятности является расширяющееся воспроизводство и трансляция негативных ценностно-нормативных парадигм мышления и деятельности — то есть сложившаяся в регионе культура.

Своеобразие «стресс-регионов» (в отличие от регионов кризисных) заключается в парадоксальном сочетании высокой степени N-конфликтного существования (где под N понимается ключевые стрессогенные факторы) и повседневно-привычного характера отражения этой конфликтности в обычных практиках и представлениях населения (вследствие привыкания к N-фактору как рутинно-устойчивому фону обыденной жизни). С одной стороны, подобное привыкание до определенного момента удерживает население

от протестной реакции на N-фактор. Жители осознают его как угрозу своим интересам, но не выражают деятельной готовности к изменению сложившейся ситуации (или выражают ее лишь на декларативном уровне). Однако с другой стороны, отсутствие перспектив улучшений существенно снижает личностную привязанность к территории проживания, катализирует региональный антипатриотизм. Кроме этого, в стресс-регионах N-факторная проблематика в любой момент может быть обострена как в силу реальных (техногенных, экологических, правоприменительных и др.) катаклизмов, так и в конъюнктурных политических или бизнес-целях заинтересованных субъектов.

Генезис стресс-регионов различен. Приведем в качестве примера Челябинскую область и город Челябинск, устойчиво закрепивших позиции антилидерства в экологических рейтингах субъектов и городов РФ. В данном регионе N-фактором и активатором стресс-состояния (стрессором) стала плохая экология [2].

1. Эко-стресс стал фактором ментальности населения областного центра, обеспечивая имманентность негативной коннотации образа собственного региона. Это проявляется: в трансляции негативного экологического образа региона по межличностным коммуникативным каналам; в отъезде представителей наиболее состоятельных и предприимчивых слоев населения в более с их точки зрения экологически благополучные регионы; в ослаблении замещающего притока мигрантов аналогичного экономического и общекультурного уровня; в понижении инвестиционной и туристической привлекательности региона.

2. Сформировались протестные экологические движения, ставшие субъектами политики и экономики региона.

3. Деградирует экологическая культура жителей, что заключается в снижении ограничивающего самоконтроля как при контактах с природными объектами, так и в бытовом поведении.

Очевидно, что осуществлять культурную политику в стресс-регионах традиционными просветительскими или агитационными инструментами неэффективно. Представляется, что сам инструментарий культурной политики в данных регионах должен обладать альтернативным стресс-эффектом, обеспечивающим относительно быструю перекодировку N-фактора в противоположную по смыслу ценностно-нормативную систему. Известно, что сущностным результатом культурной политики является устойчивая воспроизводимость в мышлении и деятельности людей определенных норм и ценностей. В ситуации со стресс-регионами — норм и ценностей, способных сформировать новую культурную среду, альтернативную той, что возникла в силу влияния N-фактора.

Обращаясь к Челябинску, целесообразно осуществить следующие действия, радикальность которых может обеспечить восприимчивость к последующему культурформирующему влиянию:

1. Принять радикальные административные решения относительно главных генераторов стрессового состояния региона: запрет строительства горно-обогатительного комбината; инициирование законодательных инициатив,

обязывающих промпредприятия минимизировать вредные выбросы; введение контролирующего управления в наиболее стрессоподверженных муниципалитетах для разрушения аффилиционных связей; в целом, коррекция поведения элит, направленная на их «привязку» к региону.

2. Создание системы общественного обсуждения перспектив региона. Публичность в формировании градостроительной политики и в целом развития мегаполиса.

3. Включение максимального количества жителей в деятельность по благоустройству с привлечением работодателей в качестве соорганизаторов данных акций.

4. Создание антистрессового сценария и альтернативной стратегии развития региона (с переходом к качественно новой доминанте развития).

5. Обеспечение длительности антистрессовых процессов, достаточной для закрепления в качестве самовоспроизводящихся паттернов поведения.

Очевидно, что в стресс-регионах культурная политика перестает быть внутренним делом региона. Ее будет крайне трудно и разработать, и осуществлять без разнообразных ресурсов более высокого уровня (в первую очередь, федерального). Федеральное экспертное и административное участие также является спецификой культурной политики в регионах соответствующего типа.

Литература

1. Генова Н. М. Культурная политика в процессе модернизации инфраструктуры культурного пространства региона [Текст] : автореф. дис. ... д-ра культурологии / Н. М. Генова ; КемГИК. — Кемерово., 2011. — 42 с.

2. Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л., Синецкий С. Б., Шуб М. Л. Экологическая культура: эффективность формирования и сценарии воспроизведения в стресс-регионах [Текст] / Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская, С. Б. Синецкий, М. Л. Шуб. // Социс. 2017. № 7. С. 132-140.

3. Зуев С. Э. Зуев Сергей Эдуардович. Лекция «Регионы и региональное развитие». [Электронный ресурс]. Школа Культурной Политики. — Режим доступа: <http://www.shkr.ru/lib/archive/managers/2001/3> — Загл. с экрана (дата обращения 24.02.2018).

4. Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания / И. Я. Мурзина. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. — 205 с.

5. Синецкий С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего [Текст] : моногр. / С. Б. Синецкий. — Челябинск : Энциклопедия, 2011. — 288 с.

6. Статус [электронный ресурс] : Академик — Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4847/СТАТУС — Загл. с экрана (дата обращения 24.02.2018).